

Еще о „человѣкѣ Новаго Града“

ОТВѢТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Прочитанный мною в Прагѣ и опубликованный затѣм в третьем номерѣ «Новаго Града» доклад «О человѣкѣ новаго града» вызвал в эмигрантской прессѣ ряд откликов, отчасти прямых нападеній. Обойти эти отклики молчаніем невозможно: уж очень сильно искажают они лицо нашего журнала. Хотя редакція и общала не входить в полемику с противниками, приходится отвѣчать.

Попробую же с тѣм «донкихотством» и с тою «наивностью», которья, по мнѣнію Омелянова,¹⁾ являются характерными чертами новоградства, раскрыть нашим критикам глаза на подлинную сущность наших устремленій. Вѣдь, не слѣпые же они, на самом дѣлѣ, люди, вѣдь, могут же, если постараются, увидеть все так, как оно на самом дѣлѣ обстоит.

Самая страшная сущность враждебнаго нам большевизма заключается в том, что он не понимает инакомыслящих, что он отрицает діалог, дискуссію, свободу мнѣнія, а потому (в качествѣ институціоннаго закрѣпленія всего этого) демократію и парламентаризм. Как можно бороться с большевизмом, слѣдуя в этом смыслѣ по его путям?

Все больше и больше полнится мір враждебным криком г л у х и х друг к другу людей. В Германіи от этого, в своей основѣ большевицкаго крика жить становится невозможно. Я спрашиваю, допустимо ли для эмиграціи, почитающей главным смыслом своей жизни борьбу против духа большевизма и избавленной волею судьбы от той реальной политической борьбы, в которой не всегда есть время разобратся в смыслѣ чужого мнѣнія, усиливать своими голосами

¹⁾ См. А. Омелянов. Паѳос борьбы. «Вѣстник Крестьянской Россіи». Апрель 1932 г.

этот шум и крик глухих. Не знаю, как думают критики «Новаго Града», но я лично увѣрен, что не допустимо. В противоположность большевизму и всѣм его производным, нам, эмигрантам, необходимо практически и теоретически отстаивать максимально вдумчивое и бережное отношеніе человѣка к человѣку. С тоски по этой вдумчивости и бережности, с тоски по справедливости, причем не только в сферѣ личных, но и общественно-политических отношеній, и начинается, по моему, зарожденіе новоградской психологii.

Я прекрасно понимаю неустрашимость из жизни эмиграціи самых разных и даже враждебных друг другу группировок; никакой «вселенской смази», как мнѣ любят приписывать мои критики, я не проповѣдывал и не проповѣдую. Единого политическаго и идеологическаго фронта никогда не защищал и не защищаю. Положеніе міра, Россii и эмиграціи трагично, и заниматься идиллическим морализированіем не время. Между отдѣльными эмигрантскими группировками возможна и допустима самая страстная борьба; недопустимы только злостное невниманіе к противнику, безпредметная выдумка о нем, желаніе всѣми средствами скомпрометировать его среди своих единомышленников; недопустимо, одним словом, большевицкое отношеніе к человѣку. При наличii этого отношенія самая искренняя и даже героическая, политическая борьба против большевизма будет неизбѣжно питать его психологическіе и метафизическіе корни.

Возвращаясь к своему докладу, я хочу, как уже сказал, попытаться выяснить читателям тѣ свои мысли, которыя были, конечно, не без всякой (психологической) причины, но во всяком случаѣ без всякаго (логическаго) основанія искажены выступившими в печати оппонентами.

Начну с самаго благожелательнаго, если и не к міросозерцанію «Новаго Града», то, во всяком случаѣ, ко мнѣ лично оппонента, с Екатерины Дмитріевны Кусковой, посвятившей два столбца своего фельетона «Кровати с шишками»²⁾ вопросу о «мѣщанствѣ» и «Новом Градѣ».

---

²⁾ «Послѣднія Новости» 9-го апрѣля 1932 г.

Сущность полемических высказываний Е. Д. Кусковой сводится к мысли, «что людям, которым по ночам снится свинина, людям, потерявшим возможность жить духовною жизнью из-за отсутствия в их жизни материальной подкладки», нельзя проповедывать презрѣніе к мѣщанским благам жизни и выспренность вѣру в «Новый град» с акридами и аскетизмом. Мысль безусловно вѣрная, но принадлежащая Е. Д. Кусковой отнюдь не в большей степени, чѣм миѣ. Развивая еще в «Мыслях о Россіи»³⁾ свои «новоградскія» позиціи, я совершенно в духѣ Е. Д. Кусковой писал: «Оспаривать увѣренность каждого замученнаго, замыганнаго совѣтскаго чиновника, что царство небесное — это прежде всего тихая, чистая квартира, долгій, спокойный сон, хорошо оплачиваемый труд, законом обезпеченный отдых, отсутствіе административнаго произвола и, главное г л у б о к і й и д е о л о г и ч е с к і й ш т и л ь (курсив статьи. — Ф. С.) сейчас не только бессмысленно, не только преступно, но просто безбожно». Правда, это было давно, и Екатерина Дмитриевна может сказать, что я с тѣх пор измѣнился к худшему. В таком случаѣ сошлюсь на № 2 «Утверждений», гдѣ я, защищая формальную свободу, писал еще совѣм недавно: «Мы не можем сомнѣваться в том, что на вопрос о сущности свободы большинство замученных совѣтских граждан, которых язык не повернется упрекнуть в мѣщанствѣ, совершенно инстинктивно отвѣтит: свобода — это свобода мнѣнія и собранія, это правовая огражденность своего дома и своего дѣла от безответственнаго административнаго произвола, это право жить своею жизнью и умирать своею смертью». Думаю, что обѣ цитаты взятыя вмѣстѣ с неоспоримой ясностью доказывают, что я не только не отрицаю материальных и правовых основ духовной культуры, но, наоборот, утверждаю, что там, гдѣ эти основы попираются, онѣ, в силу присущей им діалектики, из всего только материальных основ культуры с неизбѣжною перерождаются в высшія духовныя блага.

Но если так, то почему же Е. Д. Кускова как бы заподозрѣ-

---

³⁾ «Современныя Записки» № 35.

Может-быть, все это не вѣрно, об этом я сейчас с Е. Д. Кусковой не спору, я только спрашиваю ее, почему она, читавшая мои статьи, каждая строчка которых борется за то, что высказанныя мною положенія, и прослушавшая доклад, в котором много мѣста было удѣлено раскрытію мысли, что люди «Новаго Града» не могут принять «соціально не встревоженнаго индивидуалистически-аскетическаго христіанства», превращает меня в человѣка, презирающаго матеріальныя основы культуры и защищающаго «Новый Град» «чуть ли не с акридами и аскетизмом» и без матеріальной подкладки?

Сейчас весь мір политически раскололся на два лагеря. Психологія того демократическаго лагеря, к которому мы с Е. Д. Кусковой при всѣх расхожденіях все же одинаково принадлежим, держится вѣрою, что между людьми возможен и обязателен сговор. Наши же противники слѣва и справа утверждают, что договориться невозможно, необходимо дѣйствовать без слов. Я спрашиваю, какой же смысл лить воду на вражью мельницу, какой смысл превращать разговор из внимательнаго к мнѣнію противника діалога в бессмыслицу игнорирующих друг друга монологов. Вѣдь, важно же не то, чтобы говорить по поводу друг друга, а то, чтобы говорить друг с другом. Эмигрантскіе публицисты всѣх лагерей изо дня в день говорят друг о другѣ, но настоящей бесѣды друг с другом не ведут. Это очень печально, но к сожалѣнію вѣрно.

Посвященная моему докладу замѣтка П. Б. Струве⁴⁾ гораздо язвительнѣе недоразумѣнных строк Е. Д. Кусковой. Отвѣчать на язвительности я не буду. Смысл моей статьи, как я уже отмѣчал, вовсе не в полемикѣ, а в желаніи с самаго начала устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя могут исказить лицо «Новаго Града» в широких кругах, освѣдомленных (о нем) лишь по газетной прессѣ.

Замѣтка П. Б. Струве выдержана в тонах, наводящих на мысль, что она прямо таки написана с цѣлью вызова такого рода недоразумѣнія. Но кромѣ того есть и еще одно обстоятельство, не позволяющее мнѣ промолчать. П. Б. Струве ста-

4) «Россія и Славянство» 1932 г. 9-ое апрѣля.

вит мнѣ вполне опредѣленный и очень существенный вопрос. Не отвѣчать на вопросы Струве я не считаю себя в правѣ. Постараюсь же объяснить. П. Б. Струве недоумѣвает, «какая серьезная философія уполномачивает меня говорить о ложном кругѣ религиозных эмоций православных первопоходников и галлиполийцев», и дает мнѣ совѣтъ «проникнуться мудростью великаго протестантскаго короля, сказавшаго: «каждый может на свой лад спасти свою душу». Должен сказать откровенно, я этого совѣта не понимаю. В том вопросѣ, которому посвящена моя статья, Фридрих Великій не авторитет и не судья. Руководиться при разрѣшеніи вопроса о природѣ того христіанскаго міросозерцанія и міроощущенія, которое одно только и может быть положено в основу социально-политическаго устроенія міра, мнѣніем типичнаго просвѣщенца, друга Вольтера, приверженца эмпиризма Локка, уже в молодости разошедшагося со своим отцом из-за попытки послѣдняго воспитать его в христіанском духѣ, было бы по меньшей мѣрѣ... странно. Ясно, что терпимость по отношенію к инакомыслящим является обязательной для всякаго подлинно христіанскаго сознанія, но с вольтеріански-просвѣщенским либерализмом Фридриха Великаго эта терпимость не имѣет рѣшительно ничего общаго.

Но, быть может, я не справедлив к Струве, принимая в серьез его «великаго протестантскаго короля»; может-быть, весьма сомнительный протестантизм несомнѣнно великаго короля лишь случайно попался Струве под руку; важен же в замѣткѣ только совѣтъ быть по христіански терпимым ко всѣм формам религиознаго вѣрованія. С необходимостью терпимости, повторяю, вполне согласен, но почему П. Струве дает этот совѣтъ именно мнѣ, — опять такъ не ясно. Если бы он писал свою очередную страницу «Дневника политика» не на основаніи «благожелательной», но во всяком случаѣ недостаточной замѣтки Д. Мейснера, а на основаніи моего доклада, полный и точный текст котораго напечатан в № 3 «Новаго Града», он не мог бы, думается, не замѣтить, что как раз моя религиозно-философская концепція, утверждающая, наряду с абсолютною христіанскою вѣрой относительность всѣх хри-

стіанських міросозерцаній, содержит в себѣ тот максимум во-
обще возможной на христiанской почвѣ терпимости к инако-
мыслящим и инакочувствующим, за которым начинается уже
ничего не имѣющий с христiанством общаго просвѣщенскій ли-
берализм, безусловно оказавшій весьма пагубное вліяніе на
судьбы протестантской церкви.

Для того, чтобы убѣдиться в этом, достаточно самага бѣг-
лаго взгляда на положеніе протестантизма в Германіи. С одной
стороны, движеніе релігіозных соціалистов, считающих лично-
братскую помощь голодающим за преступленіе против «хри-
стіанскаго» (?) смысла классовой борьбы.⁵⁾ С другой — ре-
волюція націонал-соціалистов, включающих в ежевечернюю мо-
литву Господню прошеніе о достаточном количествѣ веревок
для повѣшенія жидов.⁶⁾ Между обоими лагерями ученые про-
фессора богословія, все со всѣм связующіе по формулѣ про-
тестантскаго короля, а над всѣм этим распадом цѣлый ряд очень
значительных релігіозных движеній (діалектическое богосло-
віе, Бернеухеровская конференція), искупающих свою глубину
роковой невозможностью связаться с живою жизнью страны.
В результатѣ показательная картина культурно-политической
борьбы: нетерпимая католическая церковь защищает соціал-
демократических рабочих от язически-шовинистическаго хри-
стіанства подчеркнуто протестантскаго прусскаго юнкерства.

Неужели при видѣ этой картины можно все еще продол-
жать утѣшать себя мыслью, что каждый может по своему спа-
сать свою душу, неужели не ясно, что для релігіозной и со-
ціальной жизни нѣтъ ничего болѣе губительнаго релігіозно без-
содержательной формулы великаго протестантскаго короля?

Но перейдем от Германіи к Россіи и ея судьбам, к галли-
полійцам и первопоходникам.

Прежде всего должен сказать: смысл моего пражскаго вы-
ступленія был не в обличеніи кого бы то ни было, а в выясне-
ніи сущности того релігіознаго строя души, который должен

---

⁵⁾ См. Ф. Степун. Релігіозный соціализм и христiанство. «Путь»
№ 49.

⁶⁾ Ср. Ф. Степун. Письма из Германіи (Вокруг выборов прези-
дента республики). «Современные Записки» № 49.

быть положен в основу христіанской политики. Вопрос этот ни одному человѣку, чувствующему дух нашей эпохи, не может представляться вопросом мало важным и несущественным. Новоградскому сознанию он особо близок. Отсюда обязательное для нас выясненіе разных форм или природ христіанскаго сознанія. Среди ряда других непригодных форм я указал и на христіанскій романтизм. Сущность романтизма один из его новѣйших изслѣдователей охарактеризовал, как «субъективный окказіонализм». ⁷⁾ Определеніем этим, быть может, несправедливо-злым, но все-же очень мѣтким, подчеркивается безусловно свойственная романтизму подмѣна одних планов переживаній другими. На очень сложной скалѣ таких подмѣн зиждется, на-дѣримѣр, весь грѣшно-прекрасный мір типично романтической поэзіи Блока. Образ незнакомки переходит у него в образ прекрасной дамы, и смрадный вихрь большевицкой революціи — в христіанское преображеніе Россіи («Двѣнадцать»). В сферѣ поэзіи эти сдвиги имѣют свое глубокое оправданіе, хотя поэт всегда расплачивается за них страшными душевными муками. Но в сферѣ личнаго и общественнаго жизнестроительства не может быть ничего важнѣе различенія духов, размежеванія духовных планов. Что высокіе замыслы христіанскаго домостроительства на протяженіи 19-го вѣка часто превращались в оплот политической реакціи, не подлежит, к сожалѣнію, ни малѣйшему сомнѣнію. Также не подлежит сомнѣнію и то, что образ Россіи, ея видимая плоть даны эмиграціи почти исключительно в церкви: церковь единственное мѣсто, гдѣ и глазу и уху и обонянію все знакомо, гдѣ душа не наталкивается ни на что чужое. Отсюда ясно, что тоска по родинѣ должна всякаго русскаго человѣка влечь в церковь. Вскрывая эту неоспоримую связь, я говорю, что «ничего дурнаго в этом нѣтъ», что стремленіе пойти в церковь на свиданіе с Россіей понятно и праведно, но только при двух условіях: если не смѣшивать любви к Россіи с вѣрою во Христа и — с ненавистью к большевикам. Оспаривать, что мы в эмиграціи это часто смѣшиваем, можно только по слѣпости или по предвзятости. Со-

⁷⁾ Ср. Carl Schmitt. Politische Romantik. Duncker und Humblot.

блази — отчасти сентиментальный, отчасти шовинистическій — «шатовщины» среди нас очень велик и для дѣла «Новаго Града» очень опасен. В указаніи на опасность романтической подмѣны одного духовнаго плана другим, в раскрытіи подмѣны религиозной вѣры патріотической тоской и противосовѣтской влобой весь смысл моего бѣглаго упоминанія о галлиполійцах.

Думаю, что Струве так же понятно как и мнѣ, что бѣлоармейская среда представляет собою территорию, психологически как бы предопредѣленную для смѣшенія тѣх двух планов, которые необходимо различать. Никакого намѣренія поддѣть или обличить «русских людей, ищущих утѣшенія в церкви», у меня в помыслах во всяком случаѣ не было. Не думаю, что непредвзятому человѣку можно было услышать его в моем докладѣ или вычитать из моей статьи. Из десяти оппонентов этого вопроса никто не коснулся. Струве упускает из виду, что, утверждая необходимость строгаго различенія разнопредметных планов души, я ставлю эту задачу прежде всего новоградскому сознанию, а тѣм самым и самому себѣ. Первая фраза всего возмущившаго Струве абзаца гласит: «войдешь в церковь, забудешься и кажется, что выйдя увидишь Россію». Этою фразою я свое сознание в сущности сливаю с галлиполійским. Знаю, что за время моего пребыванія в эмиграціи я ни разу не переживал Пасхи в извѣстном смыслѣ так глубоко, как в год моего пребыванія среди друзей галлиполійцев. Но внимательный анализ качества этой глубины и обострил мою зоркость по отношенію к той разницѣ между лирически-скорбной ворожкой воспоминаній и подлинно-религиозной вѣрой, которую я пытался выяснить в моем докладѣ.

Серьезная философія всѣх времен, начиная с Платона и до наших дней, постоянно занималась только одним: умоэрительным вызволеніем духовных реальностей из их плѣненности душевно-физическим міром.

Мои новоградскія статьи и выступленія, конечно, не философія, но все их содержаніе, а в том числѣ и вскрытіе романтическаго соблазна внутри христіанскаго сознания связано для меня с этою единственно серьезною задачею всякой серьезной философіи.

Я не думаю, чтобы мои объяснения могли убедить П. Б. Струве. Человека, «которому нѣтъ никакого дѣла» до религиозныхъ взглядовъ того, кому онъ считаетъ себя обязаннымъ давать весьма опредѣленные нравственные совѣты, убедить трудно. Но, быть можетъ, нѣкоторые изъ тѣхъ читателей «Россіи и Славянства», которыхъ Струве, очевидно, стремится оградить отъ «того шума, скорѣе вреднаго, чѣмъ бесполезнаго», который произвели новгородцы, прочтя эту статью, почувствуютъ всю несерьезность запальчивой замѣтки Струве и захотятъ сами вчувствоваться и вдуматься въ мысли новгородцевъ, которые отнюдь не собираются замолчать, какъ имъ то совѣтуетъ П. Б. Струве.

Заканчивая, хочу еще разъ подчеркнуть, что я совершенно не защищаю тиши и глади эмигрантской жизни. Столкновения самая рѣзкія, расхожденія самая страстные не только возможны, но и неизбѣжны. Важно не объединеніе, важно лишь расхожденіе по существу. Никакого расхожденія по существу между мной и моими оппонентами в предѣлахъ т р о н у т ы хъ в о п р о с о въ, конечно, нѣтъ. Я, какъ и Кускова, за «кровать съ шишками», какъ и Струве, за то, чтобы галиполійцамъ не мѣшать вспоминать въ церквахъ Россію и, какъ «Современникъ», противъ того, чтобы сдавать квартиру лишь послѣ освѣдомленія о міросозерцаніи нанимателя. Вся трагедія спора с моими оппонентами заключается в том, что, являясь для меня существеннымъ, онъ все же не является споромъ по существу. В том, что несущественное является для насъ существеннымъ, коренится, какъ мнѣ кажется, указаніе на какой-то внутренней недугъ эмиграціи. Полемика вокругъ «Новаго Града» является, конечно, лишь однимъ изъ симптомовъ этого недуга.

Федоръ Степунъ.